

Такое же восторженное отношение к русской литературе питал с самого начала и до конца своей деятельности и Гарабет Ибрэилян.

В одной из своих первых статей, озаглавленной «Классовая психология», разоблачая пошлость и пропаганду разврата как проявление проникнувшей в литературу буржуазной морали, а также пренебрежительного отношения к народу, критик пишет, что эти «благородные души», эти рафинированные эгоисты прикрываются своим разочарованием и «грубостью» среды, а идеалы, повидомому, держат только для парада. «Мне кажется, что нигде нет более ужасных условий, чем в России, и все же нигде нет людей более моральных и благородных, — пишет он далее. — Русский революционер скорее бы повесился, чем позволил себе опозорить жену бедного крестьянина, в доме которого он живет, который его кормит»¹. (Ибрэилян имеет в виду поступок одного из героев современной ему румынской литературы).

Критика уже отмечала, что, обычно сдержанный, Ибрэилян давал волю лиризму и восторгу, когда речь заходила о русской литературе. Критик-полемист и борец, пишет Савин Брату, вообще редкое останавливается на обстоятельном разборе художественных произведений. «Но он делает это с особенной заботой, с особенным удовольствием, сказали бы мы, когда речь захобит о Толстом или о Тургеневе»².

В этих случаях глубокое изучение материала сочетается у Ибрэиляну, как пишет далее Савин Брату, с восторгом как выражением личной привязанности к любимым писателям. Из такого отношения критика родилась и исключительно высокая оценка ряда русских писателей и замечательный анализ художественного мастерства Тургенева и Толстого.

Предположительно можно говорить и о том известном влиянии, которое революционные демократы оказали непосредственно на Ионеску-Риона и Ибрэиляну. Академик Михай Раля, в прошлом соратник Ибрэиляну, говоря о влиянии на критика доктора Русселя, Зубку-Кодряну и Доброджану-Гери, указывает, что «при помощи этих борцов Ибрэилян знакомился с трудами таких деятелей как Чернышевский и Белинский»³. Это утверждение можно также отнести и к Ионеску-Риону: он воспитывался, как известно, в той же идейной среде.

По вопросам общественной роли искусства и реализма в статьях обоих критиков также можно обнаружить следы прямого или косвенного влияния работ русских революционных демократов — конечно, уже не в таком чистом виде как у Доброджану-Гери.

Так, борьба Ионеску-Риона против теории «искусства для искусства» напоминает нам места статьи Балинского. Не располагая подтверждающими это документами и ссылками, мы можем все же отметить некоторые мысли, общие для румынского критика и Балинского.

В статье «Тенденциозное искусство» Ионеску-Рион писал: «Современное искусство должно стать общественным, т. е. должно отказываться

¹ G. IBRĂILEANU, *Pagini alese*, vol. I—II, ESPLA, 1957, vol. I, стр. 54.

² SAVIN BRATU, *Moștenirea lui Ibrăileanu*, E.S.P.L.A., 1955, стр. 118.

³ MIHAIL RALEA, *Criticul științific G. Ibrăileanu*, в: G. Ibrăileanu, *Pagini alese*, vol. I, стр. 8.